

DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.3

EDN: BBROJS

Механизмы формирования начального диалога в анонимной онлайн-коммуникации¹

Ссылка для цитирования:

Котельников М. П. Механизмы формирования начального диалога в анонимной онлайн-коммуникации // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2023. Т. 15. № 1. С. 45–68. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.3> EDN: BBROJS

For citation:

Kotelnikov M. P. (2023) The Formation of the Beginning of Dialogue in Anonymous Online Communication. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 15. No. 1. P. 45–68. <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.3>

Котельников Максим Павлович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: don.kotelnikov@yandex.ru

Основная цель статьи — отследить и проанализировать соотношение технических и смысловых аспектов анонимного взаимодействия в сети. Эмпирически исследуется начальная фаза общения двух собеседников в «Анонимном чате ВКонтакте». Совмещая концептуальные и методологические ресурсы конверсационного анализа и анализа категоризации членства, а также теорию аффордансов, адаптированную в отношении технических объектов (в данном случае анонимного чата), автор отстаивает концепт очередности высказываний анонимных собеседников для успешного взаимодействия. Большинство посетителей используют чат для поиска краткосрочного романтического и/или сексуального общения, поэтому в начале переписки собеседники зачастую стремятся идентифицировать гендерную принадлежность друг друга при помощи типичных высказываний. Отмечается важность обладания первым чередом, так как именно он с высокой долей

¹ Статья подготовлена на материалах магистерской диссертации, защищенной автором в НИУ ВШЭ в 2022 г.: Котельников М. П. Практики деанонимизации в онлайн-коммуникации: конверсационный анализ. URL: <https://www.hse.ru/ma/csa/students/diplomas/624888204> (дата обращения: 10.12.2022).

вероятности дает приоритетное право задать вопрос относительно гендерной принадлежности собеседника. Однако обладателю первого чреда рано или поздно придется отвечать на вопросы собеседника, так как рассматриваемое анонимное взаимодействие, организованное по очереди, стремится к информационной симметрии.

Ключевые слова: онлайн-чат; конверсационный анализ; анонимность; очередность; гендер; коммуникация

Введение

С развитием технологий коммуникация между людьми стала возможной не только в офлайн-, но и в онлайн-среде. Взаимодействие лицом к лицу уже давно является одним из основных объектов исследования для социальных ученых, однако остается открытым вопрос о том, насколько применимы концептуальные ресурсы, использовавшиеся для изучения офлайн-коммуникации, к онлайн-пространству. Очевидного консенсуса по этому вопросу (как и практически по всем остальным) в социологии не наблюдается, однако в целом можно утверждать, что большинство социологов, исследующих взаимодействие, так или иначе признают возрастающее значение технически опосредованной коммуникации (в том числе и через интернет) и необходимость трансформации уже имеющихся концептов, чтобы сделать их пригодными для изучения форм взаимодействия, отличных от общения лицом к лицу. Несмотря на обозначенную тенденцию, стоит отметить, что не все социальные ученые считают интернет-коммуникацию заслуживающей пристального исследовательского внимания. Так, Тайлер утверждает, что интернет лишь расширяет возможности, которые до этого уже были предоставлены людям с появлением телефонов. Высказывались сомнения и в том, что интернет способствует формированию новых социальных связей, поскольку зачастую люди общаются в онлайн с теми, с кем знакомы в офлайне. Ключевая проблема этой точки зрения, на наш взгляд, заключается в том, что она основывается скорее на общих (и во многом субъективных) представлениях о человеческой коммуникации. Это обстоятельство значительным образом снижает их аналитическую ценность.

Большого внимания, по нашему мнению, заслуживают работы, в которых предпринимаются попытки адаптировать существующие понятийные аппараты, разработанные в классической социологии, для исследования онлайн-взаимодействия. Зачастую социологи обращаются к текстам Э. Гоффмана¹, и это неудивительно, поскольку именно он внес значительный вклад

---

¹ Наиболее часто в качестве концепта, подлежащего адаптации для исследования онлайн-коммуникации, выбирается «встреча», которая, по Гоффману, имеет место тогда, когда существует «единый фокус когнитивного и визуального внимания, что воспринимается как единая, взаимная деятельность» [Goffman, 1971: 1–70]. Большинство авторов сходятся в том, что под «встречей» в случае онлайн-общения можно понимать практически все виды синхронной коммуникации

в анализ взаимодействия лицом к лицу¹. Помимо работ Гоффмана, в качестве теоретической отправной точки для анализа взаимодействия через интернет применяются феноменологические разработки Бергера и Лукмана². Однако эта во многом полезная работа имеет тот же недостаток, что уже был озвучен в отношении скептических тезисов, высказываемых в адрес исследований онлайн-взаимодействия: концептуальное переосмысление классиков социологии далеко не всегда основывается на эмпирических данных. Если эти данные и имеются, то зачастую анализируют не реальные кейсы взаимодействия в интернете, а, к примеру, интервью с пользователями. На наш взгляд, анализ интернет-коммуникации должен основываться на изучении фрагментов взаимодействия, которое действительно имело место: будь то текстовые переписки, видеозаписи онлайн-звонков, записи голосовых сообщений и так далее. Именно поэтому в рамках данной работы мы обращаемся к конверсационному анализу (далее — CA, conversational analysis), который традиционно применяется для изучения записей (или транскриптов) повседневного взаимодействия.

CA имеет богатый опыт эмпирического изучения взаимодействия лицом к лицу, однако все еще стоит вопрос относительно релевантности результатов, полученных в ходе исследований офлайн-взаимодействия для онлайн-пространства. При этом надо учитывать, что «офлайн» и «онлайн» не являются гомогенными средами, а включают в себя множество различных типов взаимодействия, например, коммуникация лицом к лицу может сильно различаться во время дружеской беседы и во время допроса в суде, так же как звонок по Zoom не идентичен переписке в Telegram. Одной из ключевых особенностей разговора (как одной из базовых форм взаимодействия) является передача права голоса. Изучение механизмов, с помощью которых говорящие передают друг другу право (а порой и обязанность) говорить, может способствовать пониманию того, как соотносятся офлайн- и онлайн-коммуникация.

В парадигмальной для CA статье Сакса, Щеглоффа и Джефферсона [Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015] утверждается, что одна из базовых систем организации разговора — формирование очередности. Широкую известность получили 14 тезисов [Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015: 147–148], более-менее исчерпывающим образом описывающих любой повседневный разговор. На наш взгляд, очередность не менее важна при онлайн-взаимодействии

(видеозвонки, переписки в мессенджерах), однако этот концепт едва ли применим для коммуникации асинхронной (общение по электронной почте). Подробнее о различении синхронной и асинхронной коммуникации — ниже.

¹ Впрочем, сам американский социолог полагал различные виды технически-опосредованной коммуникации «маргинальными и производными формами социальных контактов» [Goffman, 1971: 1–70].

² Сам Лукман в работе, написанной в соавторстве с другим классиком феноменологической социологии, Шюцем, расширяет свой концепт «мира в пределах досягаемости» (та часть социальной и физической реальности, которая доступна для изменения посредством действий актора) до «мира в пределах опосредованной досягаемости», он, в свою очередь, становится доступным благодаря технике (на момент написания работы речь шла о возможностях, предоставляемых телефоном и телевизором) [Schutz, Luckmann, 1973].

(степень этой важности может зависеть от того, о какой именно онлайн-среде идет речь), хотя ее формирование может существенным образом отличаться от того, как это происходит офлайн.

В рамках данной статьи, используя концептуальные ресурсы СА, мы намереваемся исследовать начала переписок в «Анонимном чате ВКонтакте» и показать, что в рассматриваемом случае распределение чередов имеет принципиально важную роль для протекания взаимодействия. Сначала мы кратко опишем базовые выводы, полученные в ходе исследований формирования очередности в офлайн-среде, затем сделаем то же самое применительно к онлайн-пространству. Вслед за этим, прибегая к концепту аффорданса, укажем на техническую и смысловую специфику «Анонимного чата ВКонтакте», которая непосредственно влияет на организацию передачи чередов, а в эмпирической части проиллюстрируем, как это влияние осуществляется.

Исследования очередности в офлайн-пространстве

Ранее мы упомянули о 14 тезисах, сформулированных Саксом и его коллегами. Мы не будем перечислять каждый из них, однако укажем на самые базовые, релевантные практически для любого типа взаимодействия.

Череды состоят из так называемых единиц конструирования чередов, которые могут представлять собой предложения, клаузы, фразы или отдельные слова. Каждая из таких единиц может рассматриваться как самостоятельное завершённое высказывание, после артикуляции которого следует релевантное место перехода, где появляется возможность для смены говорящего (впрочем, наличие этой возможности не гарантирует ее реализации) [Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015: 147]. Так как мы анализируем исключительно текстовые данные, то мы не будем здесь обсуждать работы, в которых рассматриваются релевантные места перехода в устном взаимодействии. Зачастую идентификация таких мест опирается на интонацию, что невозможно в нашем случае. Ключевым ресурсом, используемым для идентификации релевантного места перехода во взаимодействии, осуществляемым посредством текста, является грамматика. В наших данных в качестве основного маркера релевантного места перехода выступает вопрос, который на письме обозначается с помощью вопросительного слова и/или вопросительного знака¹. Кроме того, следует отметить, что сам факт отправки сообщения уже может свидетельствовать о том, что отправляющий ожидает ответа от другого пользователя².

Когда появляется релевантное место перехода, смена говорящего может реализовываться двумя базовыми способами:

¹ То есть вопрос может иметь различные формы, например: «Как твое имя», «Имя?».

² Однако следует отметить, что отправление сообщения не всегда свидетельствует о том, что его отправитель желает передать право голоса.

Проблема может заключаться в том, что каждое отдельное сообщение может восприниматься как самостоятельное, из-за чего второй собеседник мог решить, что теперь его черед писать.

1. Текущий говорящий эксплицитно назначает следующего. Такое назначение может осуществляться различными способами, среди которых выделяют несколько основных:

А. Использование обращения (допустим, произнесение имени человека).

Б. Артикуляция первой части «смежной пары». Суть данного понятия заключается в том, что соседние высказывания, произносимые говорящими, как правило, связаны между собой. Первое высказывание способствует формированию ожиданий относительно второго и так далее [Schegloff, 1968]. Щеглофф и Сакс перечисляют следующие характеристики, по которым можно опознать «смежные пары»¹: они состоят из двух чередов; высказывания производятся разными говорящими; высказывания расположены возле друг друга; часть первой пары предшествует части второй пары (например, предложение предшествует отказу); определенные части первой пары соединяются с определенными частями второй пары (например, приветствие соединяется с приветствием, а не с прощанием).

В. Для выбора конкретного человека в качестве следующего говорящего обычно используется комбинация обращения и артикуляции первой части смежной пары (например, «Майкл, посидишь со мной на скамейке во дворе?»). Необходимость их совмещения обусловлена тем, что по отдельности обращение и первая часть смежной пары не обязательно указывают на конкретного человека как на того, кто должен говорить следующим².

Помимо перечисленных трех способов назначения следующего говорящего (где третий является комбинацией первых двух) существует и ряд других, например, неэксплицитные техники, зависящие от контекстуальных особенностей того или иного взаимодействия, а также использование телесных манифестаций (допустим, перевод взгляда на того, кто должен говорить следующим), однако эти способы в большей степени актуальны при взаимодействии лицом к лицу, поэтому здесь они обсуждаться не будут.

2. Следующий говорящий может осуществить самоотбор, то есть самовольно назначить себя тем, кто будет говорить дальше. В наших данных эта техника практически не встречается, поэтому не будем останавливаться на ней подробно. Однако хотелось бы отметить, что самоотбор нередко связан со случаями одновременного наложения говорения. Предчувствуя наступление релевантного места перехода, второй говорящий может вступить еще до того, как закончит говорить первый. Случаи одновременного говорения невозможны при общении с помощью текста, однако возможны проблемы с определением того, чье сообщение было первым. Это будет обсуждаться ниже.

¹ В рамках статьи мы намереваемся продемонстрировать релевантность каждой из этих характеристик для исследуемого нами чата.

² В наших данных повсеместно используется лишь один способ назначения следующего говорящего, а именно: артикуляция (разумеется, осуществляемая посредством отправления текстового сообщения) первой части «смежной пары», и практически всегда в качестве первой части выступает вопрос.

Исследования очередности в онлайн-пространстве

Письменное взаимодействие в онлайн-среде стало предметом анализа для конверсационных аналитиков в конце 1990-х — начале 2000-х годов. Хотя, как справедливо отмечает Мередит, было бы неверным говорить, что до этого момента конверс-аналитики не интересовались технологически опосредованной коммуникацией [Meredith, 2019: 242]. Здесь стоит вспомнить, что уже одни из основателей конверсационного анализа, Сакс и Щеглофф [Sacks, 1966; Sacks, Schegloff, 1973], анализировали записи телефонных бесед. Очевидно, что интеракция лицом к лицу исторически предшествует текстовому взаимодействию в онлайн, в связи с чем ряд конверс-аналитиков для обоснования необходимости изучения онлайн-взаимодействия ссылались на то, что такой вид интеракции может быть потенциально сравним с коммуникацией лицом к лицу. В последние годы количество публикаций, выполненных в парадигме конверс-анализа и связанных с анализом текстового взаимодействия, значительно выросло. Вероятно, с этим обстоятельством связаны учащающиеся призывы рассматривать текстовую онлайн-коммуникацию как специфический вид взаимодействия, уже не ставя перед собой задачи сравнения этого типа интеракции с общением лицом к лицу. На данный момент литература по анализу текстового взаимодействия невероятно обширна, однако все же представляется возможным выделить основные проблемы, которые становятся предметом изучения конверс-аналитиков: передача череды, «ремонт»¹ и организация начала и конца взаимодействия. Зачастую в этих работах активно применяются (не без некоторого переосмысления) концепты, разработанные для анализа взаимодействия лицом к лицу, что неудивительно, поскольку исследователи офлайн-взаимодействия занимались изучением тех же проблем². Отдельно стоит выделить работы с использованием предложенного Саксом анализа категоризации членства. В основном в них исследуются дискурсивные практики, при помощи которых участники онлайн-взаимодействия приписывают друг другу те или иные идентичности или помещают друг друга в различные категории. Как справедливо замечают Паулюс и соавторы [Paulus, Warren, Lester, 2016], большинство исследований так или иначе затрагивают множество проблем сразу. Так, например, при изучении формирования очередности в начале переписки может анализироваться наложение чередов, которое, в свою очередь, требует «ремонта».

Важно отметить, что существует критика относительно применимости концепций, разработанных внутри конверсационного анализа,

¹ Определение «ремонта» может быть позаимствовано у Китцингера: «Набор практик, посредством которых взаимодействующий прерывает текущее направление действий, чтобы устранить возможные проблемы с речью, прослушиванием или пониманием разговора» [Kitzinger, 2013: 229].

² Здесь мы имеем в виду то, что, допустим, проблема передачи череды существует в обеих средах, однако разрешаться в онлайн и офлайн она может по-разному.

по отношению к текстовому онлайн-взаимодействию. Так, Грайффенхаген и Уотсон [Greiffenhagen, Watson, 2005: 89] указывают на то, что подавляющее большинство (в качестве исключения можно привести [Meredith, Stokoe, 2013]) исследований имеют дело исключительно со стенограммами, оставляя в слепой зоне физические действия участников переписки. Грубо говоря, во внимание не принимаются индивидуальные для каждого из переписывающихся ситуативные обстоятельства, которые могут влиять на ход переписки, например, задержка ответа может быть вызвана тем, что одного из взаимодействующих отвлек кот, однако этот момент останется неучтенным, если он не будет артикулирован в переписке. На наш взгляд, замечания Грайффенхагена и Уотсона следует считать обоснованными, однако работа исключительно со стенограммами представляется нам также плодотворной, тем более что далеко не всегда возможно осуществить видеозапись действий участников переписки. Кроме того, так как сами участники взаимодействия не имеют возможности видеть друг друга, они ориентируются исключительно на то, что видно на экране монитора. То есть тексты переписок — это данные, в одинаковой степени наблюдаемые как для имеющего доступ исследователя, так и для участников интеракции. Конечно, условный кот может отвлечь одного из разговаривающих, и это обстоятельство может повлиять на ход беседы, однако для второго участника действия кота ненаблюдаемы, и, как следствие, он не может на них ориентироваться — только если впоследствии ему не будет сообщено, что имело место вмешательство животного.

Данная работа встраивается в традицию исследования организации очередности в онлайн-чатах, однако в качестве эмпирического объекта выбран чат, который, насколько нам известно, никогда не изучался до этого. Как показывает Херринг, специфика текстовой коммуникации посредством СМС (однако это актуально и для онлайн-переписки) заключается в том, что участники взаимодействия не могут ориентироваться на физические манифестации друг друга (голос¹, интонацию, позу, выражение лица, жесты). При взаимодействии лицом к лицу визуальная и аудиальная доступность разговаривающих друг для друга является существенным ресурсом для организации передачи чередов в разговоре. Более того, во время переписки собеседники получают сообщения в порядке их написания, в связи с чем могут возникнуть проблемы с пониманием того, как сообщения соотносятся друг с другом по смыслу [Herring, 1999: 2].

В контексте указанных обстоятельств логично задаться вопросом, за счет каких ресурсов (ввиду недоступности телесных) осуществляется передача чередов во время переписки. В рамках данной работы мы концентрируемся на анализе начала переписок, так как именно в начале (о чем будет сказано более подробно ниже) распределение чередов имеет существенное значение,

¹ В данном случае мы не принимаем во внимание общение с помощью голосовых сообщений, а также видеозвонки.

поскольку обладание первым чередом может дать право в приоритетном порядке задавать вопросы собеседнику.

Конверс-аналитики уделяли немалое внимание изучению формирования очередности (в том числе в начале разговоров) в переписках по СМС, различных чатах, социальных сетях и т. д. [Rintel, Mulholland, Pittam, 2006; Kasesniemi, 2003]¹. Однако их выводы тяжело экстраполировать на иные случаи. К тому же это противоречило бы этнометодологической логике исследования, следуя которой, мы должны признать каждую социальную ситуацию в той или иной мере уникальной и заслуживающей отдельного анализа. Следовательно, нам необходимо детально описать особенности данного чата и попытаться показать, как его смысловая и техническая специфика связана с формированием очередности в начале переписки.

Описание аффордансов «Анонимного чата ВКонтакте»

Мы разделяем тезис Яна Хатчби, высказанный им в статье «Технологии, тексты и аффордансы» [Hutchby, 2001], суть которого можно кратко резюмировать следующим образом: любая технология обладает определенным аффордансом², то есть архитектурой, которая, с одной стороны, ограничивает пользователя (как бы мы ни хотели, мы не сможем полететь в Лос-Анджелес на пылесосе), но, с другой стороны, дает ему определенные возможности интерпретации того, как она может быть применена. Например, мы можем использовать тот же пылесос не только для уборки дома, но и для запугивания кошки. Этот тезис является компромиссом между конструктивистской позицией³, утверждающей, что технологии по своей сути являются текстами, в которые пользователь волен вчитать практически что угодно, и реалистской трактовкой технологии, в рамках которой любая технология жестко ограничивает и строго предписывает пользователю набор действий, которые возможно с ней совершить [Hutchby, 2001: 5]. Итак, придерживаясь мысли Хатчби, приступим к описанию аффордансов исследуемого нами чата.

Техническая организация чата

Чтобы начать общение в рассматриваемом нами чате, пользователю необходимо написать личное сообщение так называемому чат-боту (см. рис. 1). Кликая на строку «написать сообщение», пользователь встречается со следующей инструкцией:

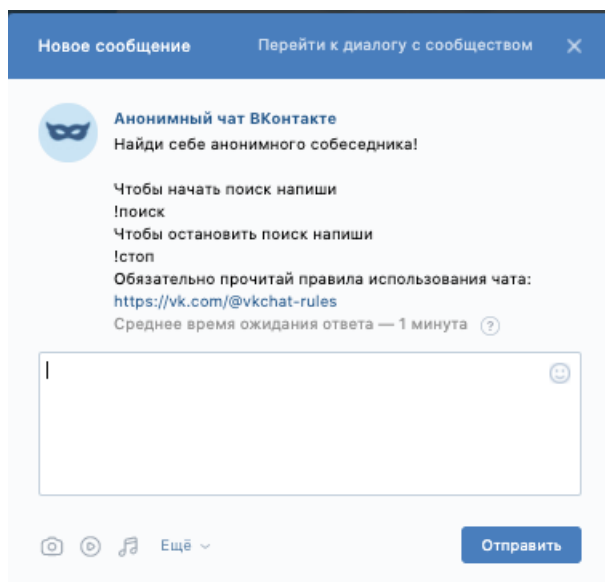
---

¹ А вот анонимности, как кажется, не уделялось должного внимания. В качестве исключения можно привести работу Якника и Авни [Jacknick, Avni, 2017], где с помощью эпистемики Хэритэджа и анализа категорий членства Сакса рассматриваются практики категоризации на анонимном онлайн-форуме.

² Создатель термина Гибсон определяет аффорданс следующим образом: «Аффордансы окружающей среды — это то, что она предлагает животному, то, чем она его снабжает и обеспечивает, будь то во вред или во благо» [Gibson, 1986: 127].

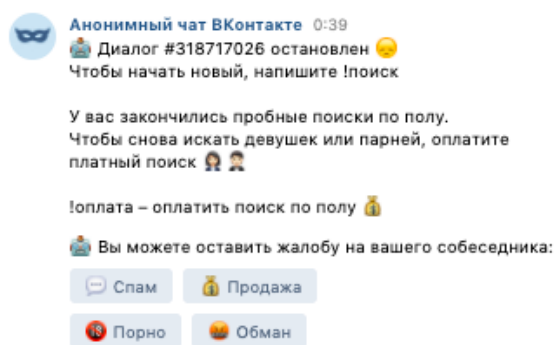
³ Хатчби отождествляет данную позицию главным образом с трудами Вулгара [Woolgar, 1991].

Рисунок 1. Анонимный чат-бот
Источник: социальная сеть VK

На продемонстрированном скриншоте видно, что для начала и завершения разговора следует напечатать команды «!поиск» и «!стоп» соответственно. Стоит отметить, что эти команды не отображаются на экране получателя. Поясним. Допустим, в какой-то момент один из собеседников решает закончить общение и набирает команду «!стоп». В таком случае второй собеседник увидит не сообщение «!стоп», а следующее уведомление, присланное чат-ботом (см. рис. 2).

Рисунок 2. Системное сообщение
Источник: социальная сеть VK

В реально имеющей место практике пользователи не всегда следуют означенной инструкции. Мы имеем в виду, что порой собеседники могут забывать (в данном случае это довольно правдоподобная гипотеза) ставить

восклицательный знак перед словом «стоп», вследствие чего беседа не прерывается, а один из ее участников просто получает сообщение «стоп». Из-за этого возникают довольно курьезные случаи, однако их описание и анализ не входят в задачи данной работы. Не в последнюю очередь ошибки при наборе команд могут быть связаны с тем, что такой интерфейс не является широко распространенным. В ВК существуют схожие чат-боты, где начало и конец диалога инициируются похожими командами («Анонимный чат бот», «Общение | Одинокие | Чат | Знакомства»), однако эти боты куда менее популярны, чем исследуемый нами, судя по количеству подписчиков. В самом популярном в русскоязычном пространстве, если опираться на список выдачи в поисковиках при запросе «анонимный чат», анонимном чате за пределами ВК — Nekto.me — интерфейс мало похож на интерфейс «Анонимного чата ВКонтакте». Таким образом, несмотря на кажущуюся простоту интерфейса, неопытные пользователи, то есть не часто пользующиеся данным чат-ботом, могут непреднамеренно нарушать инструкции, что может приводить к поломкам в коммуникации.

Во время беседы собеседники не могут визуалью наблюдать, что кто-то из них «реализует» свой черед. В разговоре лицом к лицу акторы в силу физического соприсутствия понимают, кто говорит, и, как правило, осуществляют переход череда в релевантном месте перехода. Большинство современных мессенджеров также обладают функцией уведомления собеседников о действиях друг друга, например, актер видит на своем экране: «собеседник печатает», «собеседник записывает голосовое сообщение» или «собеседник был в сети n времени назад». В случае рассматриваемого нами чата такие функции отсутствуют.

Для более формализованного описания технической архитектуры данного чата обратимся к работам авторов, осмысливших различные виды коммуникации, отличные от взаимодействия лицом к лицу. Киеслер, Зубров, Мосес и Геллер [Kiesler, Zubrow, Moses, Geller, 1985] предлагают различать синхронную и асинхронную коммуникации. В первом случае череды следуют друг за другом практически мгновенно (разговор лицом к лицу, обмен мгновенными сообщениями), во втором, как правило, имеет место задержка, которая может быть довольно продолжительной, как при общении по электронной почте. Однако данная дихотомия может быть усложнена. Андерсон, Беард и Уолтер, используя различие между односторонним [Cherny, 1999; Walther, 1996] и двусторонним способами передачи данных [Capron, 1990]¹, выделяют три уровня, по которым может быть ранжировано темпоральное расположение чередов при онлайн-взаимодействии: неодновременность (асинхронные односторонние системы, такие как электронная почта, доски обсуждений, блоги), практически одновременность (синхронные односторонние системы,

¹ При односторонней передаче данных собеседники могут отправить и получить по одному сообщению одновременно, при этом они имеют дело с уже готовыми высказываниями (например, письмо или сообщение). При двусторонней передаче получение и отправление сообщения совпадают по времени, то есть реципиент получает сообщение по мере того, как отправитель его производит (например, устная беседа по телефону).

такие как обмен мгновенными сообщениями, многопользовательские чаты и текстовые чаты в многопользовательских играх), высокая степень одновременности (синхронные двусторонние системы, такие как VAX «телефон» и современные программы для разговоров UNIX)»¹ [Anderson, Beard, Walther, 2010: 5]. Рассматриваемый нами чат представляет собой практически одновременную организацию коммуникации, так как паузы между очередями крайне малы (обычно около нескольких секунд), однако наложение чередов в данном случае практически невозможно. Вернее, как будет показано ниже, оно возможно, но не в том смысле, в каком наложение может иметь место в разговоре, допустим, по телефону, то есть в данном случае исключается возможность одновременного говорения, однако собеседники в ряде ситуаций могут испытывать затруднения при определении того, чей черед был первым.

Тематическая организация чата

Что касается содержательной специфики данного чата (о чем в нем говорят), то большинство разговоров может быть отнесено к романтической/сексуальной тематике. Отчасти такое положение вещей может быть объяснено тем, что подавляющее большинство подписчиков составляют юноши и девушки в возрасте от 14 до 25 лет². Можно полагать, что в этот период жизни указанные темы представляют для человека особый интерес. В правилах чата прописана рекомендация не пользоваться чатом до достижения совершеннолетия³, хотя неясно, читает ли их подавляющее большинство пользователей. Кроме того, существует запрет на распространение порнографического контента, однако это не гарантирует, что в действительности нельзя получить сообщение порнографического содержания. Эти ограничения, тем не менее, не запрещают напрямую обмен сообщениями, касающимися сексуальной тематики.

Смысловая специфика начальных сообщений в переписке в «Анонимном чате ВКонтакте»

Описав аффордансы данного чата, мы можем перейти к анализу конкретных практик, которые напрямую связаны как с ограничениями, так и с ресурсами аффорданса. В качестве эмпирического материала мы проанализировали около 250 переписок (их первые сообщения). Ряд знакомых автора (также были использованы личные переписки автора⁴) предоставили доступ к своим перепискам в исследуемом чате, во всяком случае, к интересующей нас

¹ Цитируемая статья была написана в 2010 г., сегодня к коммуникационным средам, для которых характерна высокая степень одновременности, мог бы быть отнесен, к примеру, Zoom.

² На момент написания статьи чат насчитывал 1 480 786 подписчиков, из них в указанном возрастном промежутке находилось 1 017 226 человек (для общения в чате не обязательно на него подписываться).

³ Количество подписчиков до 18 лет составляет 494 027 человек. Очевидно, что эта рекомендация не соблюдается.

⁴ Необходимо отметить, что переписки, в которых принимал участие автор, имели место за долгое время до проведения исследования.

информации, то есть к началу переписок¹. Подавляющее большинство (189) первых сообщений имеют целью прояснение гендерной принадлежности собеседника. В связи с этим обстоятельством мы хотели бы обсудить два момента: 1) почему отсутствие приветствия, свойственное для начала переписок в данном чате и не свойственное коммуникации лицом к лицу и многим формам технически опосредованного взаимодействия, в большинстве случаев считается легитимным, то есть не вызывает негативной реакции собеседника; 2) за счет каких языковых текстуальных ресурсов идентифицируется гендер.

1) Почему опускается приветствие, традиционное для коммуникации лицом к лицу или переписки по электронной почте? Ответ на данный вопрос может быть связан с тем, что общение в данном чате анонимно. В случае анонимного онлайн-чата собеседникам недоступна как фактическая информация друг о друге (имя, возраст, гендер, место жительства и т. д.), так и визуальная. Возможность встречи собеседников в реальной жизни также стремится к нулю. Вероятно, абсолютная анонимность ослабляет потребность акторов в ориентации на некие моральные конвенции и производство приятного впечатления друг на друга. Впрочем, нельзя утверждать, что забота о социальной приемлемости собственных действий становится совсем нерелевантной. Как мы сказали выше, основная тематика общения лежит в романтической и сексуальной плоскости. Для того, чтобы такого рода коммуникация была успешной, вероятно, необходима некоторая симпатия собеседников друг к другу. Если действия одного из собеседников интерпретируются как «морально неприемлемые», то, вероятно, беседа будет прекращена. Однако, как показывают наши данные, отсутствие приветствия не воспринимается подавляющим большинством пользователей чата как «морально неприемлемое», впрочем, есть и исключения. Причина такого положения вещей может быть в том, что собеседники догадываются о целях друг друга, и эта идея будет развита далее в тексте. Мы полагаем, что большинство пользователей чата разделяет представление о том, что искать долговременное общение с помощью его функционала нецелесообразно. Формально аффорданс чата позволяет собеседникам обмениваться ссылками на страницы друг друга, однако, как показывает опыт нашего исследования, это практически никогда не происходит. Здравый смысл подсказывает, что в чате встречаются люди, которые могут проживать на значительном расстоянии друг от друга, существенно отличаться по возрасту, иметь иные увлечения и интересы и т. д. Ввиду этих факторов логично предположить, что немногие пользователи чата ищут здесь постоянных собеседников, общение с которыми будет продолжено за пределами чата.

---

¹ Методологическая проблема здесь заключается в том, что исследуемые переписки не находятся в открытом доступе и довольно тяжело найти людей, готовых предоставить свои анонимные переписки для изучения. Автор попросил своих знакомых, пользовавшихся чатом, дать доступ только к началу переписок, а также попросил знакомых попросить своих знакомых сделать то же самое (снежный ком). Когда мы говорим о том, что мы проанализировали 250 переписок, это не значит, что речь идет о 250 людях. В целом в исследовании приняли участие около 27 человек.

2) При идентификации гендера собеседника используются, по-видимому, конвенциональные сокращения: «м д?», «м ж?», «п д?»¹. Здесь интересны прежде всего несколько моментов²:

А. Выше мы привели все возможные комбинации сокращений, обозначающих гендер. Сочетание «п ж» ни разу не было встречено. Причину отсутствия такой комбинации можно найти с помощью анализа категоризации членства, разработанного Саксом [Sacks, 1995: 40–49]. Данный анализ связан с двумя базовыми концептами: коллекция и категория. Коллекции составляют естественные группы категорий, то есть члены общества чувствуют, что эти категории «должны применяться вместе» [Sacks, 1966: 15–16]. В данном случае речь идет о коллекциях гендера и возраста. Слова «пацан», «парень», «девушка» являются категориями в коллекции «гендер» и одновременно категориями в коллекции «возраст» — в данном случае эти слова маркируют молодость. Однако слова «женщина» и «мужчина» также являются категориями в коллекциях «гендера» и «возраста», но маркируют скорее зрелость. Таким образом, сочетание категорий «парень» и «женщина» неуместно в силу того, что они маркируют разные возрастные состояния. Условно можно сказать, что внутри коллекции «возраст» существуют подколлекции «детство», «юность» и «зрелость», категориями в которых, соответственно, будут «мальчик — девочка», «парень — девушка», «мужчина — женщина». Соответственно, комбинация «парень или женщина?» не встречается ввиду того обстоятельства, что эти слова принадлежат разным подколлекциям³.

Б. В большинстве случаев в паре на первом месте стоит сокращение, обозначающее принадлежность к мужскому гендеру. Впрочем, встречались случаи, когда порядок был иной: как становилось ясно из дальнейшей переписки, такие сообщения отправляли мужчины (у нас, конечно, нет никакого достоверного способа установить, что это на самом деле так; вполне возможна ситуация, когда собеседник называет свой ненастоящий гендер, однако мы оставим это обстоятельство за рамками анализа). Можно предположить, что в таком случае женский гендер оказывается на первом месте в паре в качестве предпочтительного.

В. Оппозиция постоянно бинарная. Мы не наблюдали ни одного случая, когда собеседнику был бы предоставлен более широкий выбор для идентификации своей гендерной принадлежности. Также мы ни разу не столкнулись с вопросом, который был бы сформулирован развернуто (типа: «твой пол?», «пол?», «какого ты пола?»).

¹ Где, как нам представляется, «м» — мужчина, мальчик; «ж» — женщина; «д» — девушка, девочка, дама; «п» — парень (пацан).

² Логично предположить, что вопрос «Как тебя зовут?» также может быть использован для гендерной идентификации собеседника.

³ Конечно, следует иметь в виду, что использование всех слов глубоко контекстуально. Так, даже взрослые люди, например, будучи в романтических отношениях, могут называть друг друга «мой мальчик» или «моя девочка».

- Г. Не часто, но все же встречаются случаи, когда отправитель сообщения формулирует вопрос не с помощью бинарной оппозиции, а используя лишь одно сокращение (например: «м?», «ж?»). Судя по тому, как развиваются диалоги в данном случае, гендер, фигурирующий в вопросе, предпочтителен для отправителя. Использование одного сокращения допускает пять вариантов развития событий: а) получатель покидает беседу, оставляя вопрос без ответа, вероятно, отдавая себе отчет в том, что его гендер не соответствует предпочтительному; б) получатель подтверждает, что он принадлежит гендеру, указанному в аббревиатуре (будь то «да», или на вопрос «ж?» поступает ответ «ж»); в) получатель отрицает свою принадлежность к гендеру, указанному в аббревиатуре (будь то «нет», или на вопрос «ж?» поступает ответ «м») — в таком случае отправитель, как правило, покидает беседу; г) получатель задает встречный вопрос касательно гендера отправителя, в таком случае отправитель в большинстве случаев прекращает беседу; впрочем, возможны и два других практически одинаково распространенных варианта: отправитель дает ответ на вопрос или отправитель указывает на то, что он задал вопрос первым, — это обязует получателя ответить на него [Schiffrin, 1977; Schegloff, 1968]; д) получатель дает ответ, не включенный в четыре предыдущих варианта. Это могут быть как не связанные с вопросом высказывания, так и связанные, но с более сложной архитектурой, чем в вариантах «а» — «г», например, «для начала неплохо было бы поздороваться, а потом уже спрашивать пол».
- Д. В подавляющем большинстве случаев получатель подобного рода сообщений понимает их именно как вопрос о гендерной принадлежности и отвечает с помощью одной из предложенных букв («м» или «ж»). Крайне редко встречались случаи, когда получатель задавал уточняющий вопрос наподобие: «Что ты имеешь в виду?»¹. Если имел место уточняющий вопрос, то отправитель в большинстве случаев покидал беседу, но порой переформулировал заданный вопрос, используя полные формы слов, например: «Какой пол?».

Особенности чередования участников «Анонимного чата ВКонтакте»

В работе «Простейшая систематика организации очередности в разговоре» Сакс, Щеглофф и Джефферсон пишут: «Череды ценят, их добиваются или их избегают. Социальная организация очередности распределяет череды между участниками. Она должна, по крайней мере частично, иметь форму экономики. Можно ожидать, что, подобно любым другим экономикам, ее организация будет влиять на относительное распределение того, что она организует»

¹ Есть интуитивные основания предполагать, что уточняющий вопрос задают люди, впервые пользующиеся подобными чатами.

[Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015: 149]. Попытаемся описать, как обстоят дела с «ценностью» чередов в рассматриваемом нами чате: сделать это можно благодаря тому, что техническая архитектура чата фиксирует время отправления сообщений, а также время, соответствующее началу и концу коммуникации. Мы пришли к выводу, что наиболее ценен первый черед, поскольку он в некотором смысле обуславливает дальнейшее распределение чередов.

По мнению Щеглоффа, начало разговора важно, как минимум, потому что именно в течение первых чередов акторы производят работу, в результате которой один из собеседников занимает так называемую якорную позицию, что, позволяет задать тему для разговора. Фактически же в начале беседы стороны могут «бороться» за утверждение или отклонение предложенной темы. Однако так или иначе, если обладатель якорной позиции задал тему, то отвечающий, вероятно, будет вынужден реагировать на это обстоятельство [Schegloff, 1986: 117]. Щеглофф утверждает, что начало беседы (речь идет о телефонных звонках), как правило, представляет собой четыре последовательности: вызов («summon») — ответ, взаимная идентификация, приветствие, обмен вопросами о «самочувствии» («How are you»). Однако, как было сказано выше, начало разговора сугубо контекстуально, зависит от степени знакомства говорящих, их статуса, среды (онлайн или офлайн), целей и т. д. Поэтому данные наблюдения Щеглоффа релевантны по большей части для телефонных звонков между людьми, обладающими определенной степенью знакомства. В нашем случае речь идет об анонимном онлайн-чате, поэтому, если пользоваться терминологией Щеглоффа, для нас наибольший аналитический интерес представляет последовательность чередов, связанная со взаимной идентификацией собеседников. Очевидно, что в силу отличия телефона от онлайн-чата неуместно говорить о последовательности «вызов — ответ», также мы практически не наблюдали последовательность, связанную с узнаванием собеседниками самочувствия друг друга.

Здесь следует обратиться к работе Лаурсен, которая формулирует следующее «нормативное правило»: «Исходное сообщение должно получить ответное сообщение» [Laurson, 2005: 56]. Также мы вслед за Лаурсен пока что рассматриваем только тип коммуникации, который может быть формализован с помощью следующей схемы: А — В — А — В (где А — сообщения, принадлежащие первому отправителю, а В — сообщения первого получателя) [Laurson, 2005: 54]. Более того, все нижеследующие примеры будут соответствовать тому, что Ян Хатчби и Ванита Танна называют сообщениями «простого формата» [Hutchby, Tanna, 2008: 147]. Различение простых и сложных сообщений связано с количеством действий, совершаемых в рамках того или иного сообщения. Под простыми сообщениями можно понимать просьбы («можно?»), приветствие («добрый день»), отказ («ни за что») и так далее. Сложными сообщениями будут являться любые высказывания, в которых совершается более чем одно действие, например: «Привет, можно занять у тебя сто динаров?» (приветствие и просьба) или «Я дома. Что сделать на ужин?» (констатация факта и вопрос). Обсуждать сообщения сложного формата в рамках данного текста мы практически не будем.

В процессе анализа мы обнаружили, что первое сообщение отправляется, как правило, мгновенно. Это может свидетельствовать о том, что участники коммуникации «борются» за право обладать первым чередом. Первый черед ценится главным образом потому, что владеющий им получает право задать интересующий его вопрос первым. Впрочем, это не значит, что за обладателем первого череда резервируется право на бесчисленное количество вопросов. Приведем несколько примеров¹:

«(02:04) А: м ж?
 (02:04) В: ж
 (02:04) А: м
 (02:05) В: сколько лет?»

В данном случае мы наблюдаем следующую архитектуру ведения переписки: обладатель первого череда (А) использует третий черед для того, чтобы сообщить собеседнице В свой гендер, тем самым упуская возможность задать следующий вопрос. Право спрашивать переходит к собеседнице В.

«(11:15²) А: нд?
 (11:16) В: n
 (11:16) А: ск лет?
 (11:16) В: 19»

Этот случай отличается от предыдущего тем, что обладатель первого череда (А) использует третий черед для того, чтобы продолжать задавать интересующие его вопросы. Собеседник В в четвертом чередѣ дает ответ.

«(22:17) А: м ж?
 (22:18) В: ж
 (22:19) А: тебе сколько?
 (22:19) В: ты-то кто?»

Здесь мы наблюдаем то, о чем говорилось выше: обладание первым чередом не предоставляет собеседнику А гарантированного права на задавание вопросов. Собеседник В требует ответа от А, полагая, что обмен информацией о себе должен быть зеркален: это именно та экономика, о которой писал Сакс с соавторами. В данном случае подразумевается нечто вроде простого обмена: я называю свой гендер, ты называешь свой. Три описанные ситуации исчерпывают практически все возможные варианты такого рода формализованного обмена (напомним крайне важное обстоятельство: мы анализировали только сообщения «простого формата»). Единственное, что хотелось бы добавить: В может прервать череду вопросов А не на четвертом чередѣ, а позже, например:

¹ Во всех приводимых ниже беседах орфография и грамматика соответствует оригинальным перепискам.

² Здесь и далее в цитатах в скобках указано время отправления.

«(04:59) А: мд?
(04:59) В: д
(05:00) А: тебе сколько лет?
(05:01) В: 17
(05:01) А: зовут как?
(05:01) В: Вера
(05:01) А: откуда ты?
(05:02) В: ты сам для начала на свои вопросы ответь»

Мы видим, что прерывание происходит только на восьмом черед. Этот кейс является некоторым расширением второго рассмотренного нами случая, но важно понимать, что прерывание не обязательно происходит в принципе. Также стоит отметить примечательный факт: В, не зная гендера А, тем не менее обращается к А, используя мужское местоимение «сам».

Теперь рассмотрим альтернативные случаи развития событий, все еще оставаясь в рамках сообщений «простого формата». Возможны случаи «наложения» сообщений, претендующих занять первый черед¹:

«(23:57) А: мд?
(23:57) В: м ж?»

В такой ситуации возможно несколько вариантов развития событий:

- 1) Один из собеседников довольно быстро называет свой гендер, второй называет свой гендер в ответ. Далее череды распределяются путем самоотбора (кто быстрее задаст следующий вопрос или напишет иную реплику).
- 2) Собеседники ждут, пока кто-либо из них не назовет свой гендер. Такое ожидание может длиться достаточно долго (впрочем, редко превышает минуту). Если один из собеседников (А) все-таки называет свой гендер, то второй (В) либо называет свой — в том случае, если гендер собеседника А оказывается предпочтительным, либо отключается, вероятно, по причине того, что гендер А оказался неpreferable.
- 3) Собеседники начинают выяснять, чьему сообщению все-таки принадлежит первый черед. Приведем ряд примеров этой ситуации:

«(18:44) А: парень или девушка?
(18:44) В: м д?
(18:45) А: походу одновременно отправили))
(18:46) В: ну, я м»

В данном примере ситуация довольно быстро разрешается, и условное «наложение» не вызывает серьезных последствий.

¹ Возникает вопрос, как собеседники понимают, что сообщения «наложились» друг на друга. Чат не указывает время отправки с точностью до секунды, поэтому наложение здесь скорее конструируется участниками переписки, нежели происходит независимо от них. Проще говоря, собеседники видят, что отправка их сообщений происходит синхронно и, уже исходя из этого, начинают действовать так, будто бы сообщения «наложились».

- «(11:43) А: пацан или девушка?
 (11:43) Б: м ж?
 (11:43) Б: мое сообщение было первым
 (11:44) А: нефиг. мое
 (11:44) Б: ничего не знаю
 (11:45) А: *отключается*»

В приведенном выше диалоге собеседникам не удастся восстановить очередность, в силу чего общение прекращается. Невозможность прийти к консенсусу отчасти обусловлена тем, что архитектура чата не позволяет верифицировать, какой из собеседников действительно был первым. Ввиду отсутствия такого «объективного рефери» общающимся приходится полагаться только на собственные коммуникативные усилия.

Рассмотрим еще один пример, касающийся «наложения». В отличие от предыдущих его можно считать слегка курьезным.

- «(02:17) А: м д?
 (02:17) В: девочка мальчика?
 (02: 18) А: что молчишь?
 (02:18) В: так я первая спросила
 (02: 18) А: ахах значит дэвушка
 (02:19) В: бл значит да походу, ахаха»

Рассматриваемая ситуация специфична по двум причинам. Во-первых, собеседник А с помощью вопроса «что молчишь?» не стремится утвердить факт «наложения» сообщений, а скорее задает вопрос более общего характера, пытаясь выяснить причину молчания В. В свою очередь, В своим сообщением подтверждает, что возникли некоторые проблемы с очередностью, которые теперь эксплицитно прояснены. Интересно, что в ходе своего высказывания В раскрывает свой гендер, однако эта условная ошибка решает проблему, связанную с очередностью, поскольку основная ставка первой пары сообщений (раскрытие собственного гендера) теряет свой смысл на четвертом черед.

Однако возможна ситуация, когда обладание первым чередом становится проблемой. Как было показано выше, если собеседник А задает вопрос касательно гендера первым, то в большинстве случаев В вынужден ответить на него (мы помним исходный тезис Лаурсен: «Исходное сообщение должно получить ответное сообщение»). Однако, как можно заметить, Лаурсен не утверждает, что ответное сообщение в необходимом порядке должно содержательно соответствовать первому. Приведем пример, когда резервирование за собой первого черед ведет к затруднению, а не к получению ответа.

- «А: м ж?
 Б: ну, тебе интересно — ты и ответь первым»

Мы снова наблюдаем, что по умолчанию используется мужская форма слова, хотя гендер собеседника не известен («первым»). Раньше мы уже

говорили, что в разговорной речи зачастую первым следует представление себя самого, а уже потом задается вопрос об имени собеседника (о гендере обычно спрашивать смысла нет, в силу его очевидности), или собеседник называет свое имя сам. В анонимной переписке в подавляющем большинстве случаев дело обстоит иначе. Приведенный выше пример является скорее исключением и больше соответствует модели представления себя, свойственной разговорной речи. Вероятно, здесь не существует никакого априорного решения вопроса о порядке очередности. Фразы «мой вопрос был первым» и «ты первый спросил, ты первый и отвечай» имеют разную механику назначения отвечающего. Вероятно, проблем не возникает, когда собеседники одновременно придерживаются принципа назначения отвечающего, соответствующего одной из этих фраз. Если они придерживаются принципов, принадлежащих разным фразам, то им потребуется совершить некоторую коммуникативную работу для того, чтобы все-таки назначить отвечающего. Анализ этой работы выходит за рамки данного текста.

Ранее мы говорили, что будем работать только с «простыми» сообщениями. Однако в завершение позволим себе очень кратко проанализировать один кейс, имеющий отношение к «сложным» сообщениям. Порой обладатель первого черед стремится использовать его с максимальной для себя пользой и задает в рамках одного сообщения сразу несколько вопросов. Приведем ряд примеров:

«А: М ж? Ск лет? Откуда?»

В: *отключается*

«А: пд возраст

В: не много вопросов сразу?»

В первом случае собеседник В отключается, во втором упрекает А в попытке использовать первый черед неким неверным образом. Мы склонны полагать, что большинство пользователей чата соблюдают правило «один вопрос за один черед» — это опять-таки согласуется с рассуждениями Сакса и его коллег об экономике обмена в рамках коммуникации.

Выводы

Мы продемонстрировали, что формирование очередности не менее значимо при текстовой коммуникации в онлайн, чем во время взаимодействия лицом к лицу. Особое внимание было уделено анализу значения обладания первым чередом. Мы показали, что он с большой долей вероятности способствует получению приоритетного права задавать вопросы собеседнику во время переписки. Важность обладания первым чередом в этом смысле, с одной стороны, является специфической особенностью анонимного онлайн-общения, однако, с другой, она может быть соотнесена с рядом ситуаций взаимодействия лицом к лицу, в рамках которых обладание первым чередом также может иметь

существенное значение. О значимости первого череда в офлайн-взаимодействии известно относительно давно. Еще Сакс и коллеги в своей программной статье ссылались на работы антропологов, исследовавших эту проблематику. Впрочем, как утверждают Сакс и соавторы, «Те подходы, которые напрямую обращались к очередности, верно оценивая ее глубокое значение и детальный характер ее организации, носили в основном программный характер либо имели очень слабую эмпирическую составляющую» [Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015: 144].

Кроме того, мы показали, что большинство тезисов касательно формирования очередности, сформулированных Саксом для описания офлайн-взаимодействия, актуальны и для рассматриваемого чата. Распределение чередов после первого, скорее всего, будет иметь вид: А — В — А — В, что отсылает нас к первому тезису: «смена говорящего повторяется или как минимум происходит» [Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015: 147]. Однако в то же время такая последовательность не является обязательной, что согласуется с шестым тезисом: «порядок чередов не фиксирован, а варьируется» [Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015: 148]. Несмотря на то, что обладатель первого череда может получить некоторые преимущества (так как узнает некую информацию о собеседнике раньше, чем тот — о нем), все же обладание первым чередом, который, как мы показали выше, обычно используется для задавания вопроса о гендере, не гарантирует, что право задавать вопросы останется за обладателем первого череда, а обладателю второго череда всегда придется на них отвечать. Если рассматривать «вопрос» и «ответ» как членов «смежной пары», обладающих определенным содержанием, то вполне легитимно вспомнить о восьмом тезисе, который гласит, что «содержание чередов заранее не определено» [ibid:148]. Если в первом череде был задан вопрос, а во втором получен ответ, то нет никакой гарантии, что продолжится чередование вопросов и ответов. Впрочем, такое возможно. Также напомним, что даже на вопрос о гендере может быть получен не ответ, а к примеру, встречный вопрос. Эти выводы свидетельствуют о том, что механизмы формирования чередов важны для коммуникации в любой среде.

Однако, несмотря на то что феномен организации очередности как таковой имеет место в обеих средах — онлайн и офлайн, аффордансы онлайн-площадки, как тематические, так и технические, могут влиять на формирование очередности. В данном случае техническая невозможность однозначной идентификации наложения чередов друг на друга приводила к тому, что участники могли сталкиваться с проблемой определения, чей черед был первым.

В заключение еще раз прокомментируем идею о том, что аффордансы могут являться как ресурсом, так и ограничением. С одной стороны, анонимность исследуемого чата — ресурс, используя который, можно репрезентировать себя более свободно, чем в повседневной офлайн-жизни: можно говорить, что думаешь, не опасаясь каких-либо социальных санкций, сообщать ложные сведения относительно собственного гендера и возраста, и так далее. Однако, с другой стороны, мы видим, что взаимодействующие все равно склонны использовать начальные череды для процедуры идентификации друг друга. Мы рассмотрели только тактики определения гендера, однако, забегая вперед,

можем утверждать, что вслед за гендером собеседники зачастую идентифицируют возраст друг друга, порой — место жительства, а также просят прислать фотографии, тем самым во многом аннулируя ту анонимность, на условиях которой началась коммуникация. Более того, здравый смысл подсказывает, что в ответ на свои вопросы собеседники ожидают прочесть правду. То есть та же самая анонимность выступает в роли ограничения. Можно предположить, что тяжело коммуницировать с человеком, совершенно ничего о нем/ней не зная. Это ограничение участники взаимодействия пытаются преодолеть на первых чередях взаимодействия.

Литература

Сакс Х., Щеглофф Э., Джефферсон Г. Простейшая систематика организации очередности в разговоре // Социологическое обозрение / Пер. с англ. А. Корбут. 2015. Т. 14. № 1. С. 142–202. EDN: TRRRAJ

Anderson J., Beard F., Walther J. Turn-Taking and the Local Management of Conversation in a Highly Simultaneous Computer-Mediated Communication System // Language@Internet. 2010. Vol. 7. P. 1–28.

Capron H. Computers: Tools for an Information Age (2nd ed.). Redwood City: Benjamin Cummings, 1990.

Cherny L. Conversation and Community: Chat in a Virtual World. Stanford: CSLI Publications, 1999.

Gibson J. The Ecological Approach to Visual Perception. New York: Psychology Press, 1986. DOI: <https://doi.org/10.2307/429816>

Goffman E. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. New York: Basic Books, 1971. DOI: <https://doi.org/10.2307/2576707>

Greiffenhagen C., Watson R. “Teoria” e “Método” na CMC: identidade, género e tomada-detorno: uma abordagem etnometodológica e analítica conversacional // CMC, Identidades e Género: Teoria e Método / Ed. by A. Braga. Covilhã: Universidade da Beira Interior, 2005. P. 89–114.

Herring S. Interactional Coherence in CMC // Journal of Computer-Mediated Communication. 1999. Vol. 4. № 4. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1109/HICSS.1999.772674>

Hutchby I. Technologies, Texts and Affordances // Sociology. 2001. Vol. 35. № 2. P. 1–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0038038501000219>

Hutchby I., Tanna V. Aspects of Sequential Organization in Text Message Exchange // Discourse and Communication. 2008. Vol. 2 № 2. P. 143–164. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750481307088481>

Jacknick C., Avni S. Shalom, Bitches: Epistemic Stance and Identity Work in Anonymously Online Forum // Discourse, Context and Media. 2017. Vol. 15. P. 54–64. DOI: <https://doi.org/10.1016/J.DCM.2016.11.002>

Kasesniemi E. L. Mobile Messages. Young People and a New Communication Culture. Tampere: Tampere University Press, 2003.

Kiesler S., Zubrow D., Moses A., Geller V. Affect in Computer-Mediated Communication: An Experiment in Synchronous Terminal-to-Terminal Discussion // Human-Computer Interaction. 1985. Vol. 1. № 1. P. 77–104. DOI: https://doi.org/10.1207/S15327051HCI0101_3

Kitzinger C. Repair // The Handbook of Conversation Analysis. / Ed. by J. Sindell, T. Stivers. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2013. P. 229–256. DOI: <http://dx.doi.org/10.7565/landp.2013.003>

Laurson D. Please reply! The Replying Norm in Adolescent SMS Communication // The Inside Text: Social, Cultural and Design Perspectives on SMS / Ed. by R. Ling, P. Pedersen. Dordrecht: Springer, 2005. P. 53–73. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/1-4020-3060-6_4

Meredith J., Stokoe E. Repair: Comparing Facebook “Chat” with Spoken Interaction // Discourse & Communication. 2013. Vol. 8. № 2. P. 181–207. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750481313510815>

- Meredith J. Conversation Analysis and Online Interaction // Research on Language and Social Interaction. 2019. Vol. 52. № 3. P. 241–256. DOI: <https://doi.org/10.1080/08351813.2019.1631040>
- Paulus T., Warren A., Lester J. Applying Conversation Analysis Methods to Online Talk: A Literature Review // Discourse, Context & Media. 2016. Vol. 12. № 3. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2016.04.001>
- Rintel E., Mulholland J., Pittam J. First Things First: Internet Relay Chat Openings // Journal of Computer-Mediated Communication. 2006. Vol. 6. № 3. P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2001.tb00125.x>
- Sacks H. The Search for Help: No One to Turn to. Berkeley: University of California, 1966.
- Sacks H. Lectures on Conversation. Oxford: Blackwell Publishing, 1995.
- Schegloff E. Sequencing in Conversational Openings // American Anthropologist. 1968. Vol. 70. № 6. P. 1075–1095. DOI: <https://doi.org/10.1525/AA.1968.70.6.02A00030>
- Schegloff E., Sacks H. Opening Up Closings // Semiotica. 1973. Vol. 8. № 4. P. 289–327. DOI: <https://doi.org/10.1515/semi.1973.8.4.289>
- Schegloff E. The Routine as Achievement // Human Studies. 1986. Vol. 9. № 2. P. 111–151. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00148124>
- Schiffrin D. Opening Encounters // American Sociological Review. 1977. Vol. 42. № 5. P. 679–691.
- Schutz A., Luckmann T. The Structures of the Life-World. Evanston: Northwestern University Press, 1973. DOI: <https://doi.org/10.2307/1959185>
- Walther J. Synchronicity, Interactivity, and Entrainment in Computer-Mediated, Oral, and Written Communication. San Diego, 1996.
- Woolgar S. The Turn to Technology in Social Studies of Science // Science, Technology and Human Values. 1991. Vol. 16. № 1. P. 20–50. DOI: <https://doi.org/10.1177/016224399101600102>

Сведения об авторе:

Котельников Максим Павлович — аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** don.kotelnikov@yandex.ru. **ORCID ID:** 0000-0003-3946-6636.

Статья поступила в редакцию: 11.07.2022

Принята к публикации: 15.03.2023

.....

**The Formation of the Beginning of Dialogue
in Anonymous Online Communication¹**

DOI: 10.19181/inter.2023.15.1.3

Maxim. P. Kotelnikov HSE University, Moscow, Russia
E-mail: don.kotelnikov@yandex.ru

The main purpose of the article is to track and analyze the correlation of technical and semantic aspects of anonymous interaction on the web. The initial phase of communication between two interlocutors in the “Anonymous VKontakte chat” is empirically investigated. Combining

¹ The article was prepared on the materials of the master’s thesis defended by the author at the HSE University in 2022. URL: <https://www.hse.ru/en/ma/csa/students/diplomas/624888204> (accessed 10 December 2022).

the conceptual and methodological resources of conversational analysis and membership categorization analysis, as well as the theory of affordances adapted to technical objects (in this case, anonymous chat), the author defends the concept of the order of statements of anonymous interlocutors for successful interaction. Most visitors use the chat to search for short-term romantic and/or sexual communication, therefore, at the beginning of the correspondence, the interlocutors often seek to identify each other's gender identity using typical statements. The importance of having the first row is noted, since it is he who, with a high degree of probability, gives the priority right to ask a question about the gender identity of the interlocutor. However, this right does not negate the fact that sooner or later (rather sooner) the owner of the first turn will have to answer the questions of the interlocutor, so the anonymous interaction under consideration, through the communicative efforts of actors organized in the next order, tends to information symmetry.

Keywords: online chat; conversation analysis; anonymity; sequence; gender; communication

References

Anderson J., Beard F., Walther J. (2010) Turn-Taking and the Local Management of Conversation in a Highly Simultaneous Computer-Mediated Communication System. *Language@Internet*. Vol. 7. P. 1–28.

Capron H. (1990) *Computers: Tools for an Information Age (2nd ed.)*. Redwood City: Benjamin Cummings.

Cherny L (1999) *Conversation and Community: Chat in a Virtual World*. Stanford: CSLI Publications.

Gibson J. (1986) *The Ecological Approach to Visual Perception*. New York: Psychology Press.

DOI: <https://doi.org/10.2307/429816>

Goffman E. (1971) *Relations in Public: Microstudies of the Public Order*. New York: Basic Books.

DOI: <https://doi.org/10.2307/2576707>

Greiffenhagen C., Watson R. (2005) "Teoria" e "Método" na CMC: identidade, género e toma-da-detorno: uma abordagem etnometodológica e analítica conversacional. In: A. Braga (ed.) *CMC, Identidades e Género: Teoria e Método*. Covilhã: Universidade da Beira Interior. P. 89–114.

Herring S. (1999) Interactional Coherence in CMC. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 4. No. 4. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1109/HICSS.1999.772674>

Hutchby I. (2001) Technologies, Texts and Affordances. *Sociology*. Vol. 35. No. 2. P. 1–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017/S0038038501000219>

Hutchby I., Tanna V. (2008) Aspects of Sequential Organization in Text Message Exchange. *Discourse and Communication*. Vol. 2. No. 2. P. 143–164. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750481307088481>

Jacknick C., Avni S. (2017) Shalom, Bitches: Epistemic Stance and Identity Work in Anonymous Online Forum. *Discourse, Context and Media*. Vol. 15. P. 54–64. DOI: <https://doi.org/10.1016/J.DCM.2016.11.002>

Kaseniemi E. L. (2003) *Mobile messages. Young People and a New Communication Culture*. Tampere: Tampere University Press.

Kiesler S., Zubrow D., Moses A., Geller V. (1985) Affect in Computer-Mediated Communication: An Experiment in Synchronous Terminal-to-Terminal Discussion. *Human-Computer Interaction*. Vol. 1. No. 1. P. 77–104. DOI: <https://doi.org/10.1207/S15327051HCI0101-3>

Kitzinger C. (2013) Repair. In: J. Sindell, T. Stivers. (eds.) *The Handbook of Conversation Analysis*. Wiley-Blackwell. P. 229–256. DOI: <http://dx.doi.org/10.7565/landp.2013.003>

Laursen D. (2005) Please reply! The Replying Norm in Adolescent SMS Communication. In: R. Ling, P. Pedersen (eds.) *The Inside Text: Social, Cultural and Design Perspectives on SMS*. Dordrecht: Springer. P. 53–73. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/1-4020-3060-6_4

- Meredith J., Stokoe E. (2013) Repair: Comparing Facebook "Chat" with Spoken Interaction. *Discourse & Communication*. Vol. 8. No. 2. P. 181–207. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750481313510815>
- Meredith J. (2019) Conversation Analysis and Online Interaction. *Research on Language and Social Interaction*. Vol. 52. No. 3. P. 241–256. DOI: <https://doi.org/10.1080/08351813.2019.163-1040>
- Paulus T., Warren A., Lester J. (2016) Applying Conversation Analysis Methods to Online Talk: A Literature Review. *Discourse, Context & Media*. Vol. 12. No. 3. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2016.04.001>
- Rintel E., Mulholland J., Pittam J. (2006) First Things First: Internet Relay Chat Openings. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 6. No. 3. P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2001.tb00125.x>
- Sacks H. (1966). *The Search for Help: No One to Turn to*. Berkeley: University of California.
- Sacks H. (1995) *Lectures on Conversation*. Oxford: Blackwell Publishing.
- Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. (2015) Prostejshaya sistematika organizacii ocherednosti v razgovore [A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 14. No. 1. P. 142–202. (In Russ.)
- Schegloff E. (1968) Sequencing in Conversational Openings. *American Anthropologist*. Vol. 70. No. 6. P. 1075–1095. DOI: <https://doi.org/10.1525/AA.1968.70.6.02A00030>
- Schegloff E., Sacks H. (1973) Opening Up Closings. *Semiotica*. Vol. 8. No. 4. P. 289–327. DOI: <https://doi.org/10.1515/semi.1973.8.4.289>
- Schegloff E. (1986) The Routine as Achievement. *Human Studies*. Vol. 9. No. 2. P. 111–151. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00148124>
- Schiffrin D. (1977) Opening Encounters. *American Sociological Review*. Vol. 42. No. 5. P. 679–691.
- Schutz A., Luckmann T. (1973) *The Structures of the Life-World*. Evanston: Northwestern University Press. DOI: <https://doi.org/10.2307/1959185>
- Walther J. (1996) *Synchronicity, interactivity, and entrainment in computer-mediated, oral, and written communication*. San Diego.
- Woolgar S. (1991) The Turn to Technology in Social Studies of Science. *Science, Technology and Human Values*. Vol. 16. No. 1. P. 20–50. DOI: <https://doi.org/10.1177/016224399101600102>

Author bio:

Maxim. P. Kotelnikov — Graduate Student, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** don.kotelnikov@yandex.ru. **ORCID ID:** 0000-0003-3946-6636.

Received: 11.07.2022
Accepted: 15.03.2023